

ЖИТІЕ
ПРОТОПОПА
АВВАКУМА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «СВЯТОСЛАВ»

Житие протопопо Аввакума

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=645185

Житие протопопо Аввакума: Эксмо; М.: ; 2011

ISBN 978-5-699-47772-2

Аннотация

Сочинения протопопо Аввакума (1621—1682), главы старообрядчества, подвижника православия, – значительное и важное явление в истории русской литературы XVII века. Написав в заключении знаменитое «Житие», он описал религиозные противоречия в обществе того времени, нарисовал портреты лиц разных сословий: от царя до крестьян, – фактически создал литературу живого, вольного образного слова, открыл новую страницу русской исповедальной прозы, показав себя «превосходным стилистом».

В книгу включены не только нашумевшее «Житие», но и отрывки из «Книги бесед», «Книги толкований», «Книги обличений» и эпистолярное наследие автора.

Содержание

Житие протопopa Аввакума	4
[Предисловие]	4
[Приступ]	5
[Первые испытания]	8
[Ссылка в Сибирь]	12
[Возвращение на Русь]	20
[В Москве и монастырях]	23
[Пустозерская ссылка]	31
[Дополнительные рассказы]	34
Из книги бесед	40
[Введение]	40
Беседа первая	41
Из беседы второй	43
Беседа третья	45
Беседа четвертая	47
Беседа пятая	49
Из беседы восьмой	51
О Мелхиседеке	51
Из беседы девятой	53
Из беседы десятой	55
Из книги толкований	56
[Из толкований псалмов]	56
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Житие протопopa Аввакума

Житие протопopa Аввакума

[Предисловие]

По благословению отца моего старца Епифания* писано моею рукою грешною протопopa Аввакума, и аще что реченно просто, и вы, господа ради, чтущий и слышаший, не позазрите просторечию нашему, понеже люблю свой русской природной язык, виршами фило-совскими не обык речи красить, понеже не словес красных бог слушает, но дел наших хочет. И Павел пишет: «аще языки человеческими глаголю и ангельскими, любви же не имам, — ничто же есмь»*. Вот что много рассуждать: не латинским языком, ни греческим, ни еврейским, ниже иным коим ищет от нас говоры господь, но любви с прочими добродетельми хочет; того ради я и не брегу о красноречии и не уничижаю своего языка русскаго, но простите же меня, грешнаго, а вас всех рабов Христовых, бог простит и благословит. Аминь.¹

¹ Предисловие в автографе отсутствует; приводится по списку редакции В (л. 105/об.). В этом же списке за выпиской из поучения аввы Дорофея* идут следующие обращения Аввакума: Вот вам, питомникам церковным, предлагаю житие свое от юности и до лет пятьдесят пяти годов. Авва Дорофей описал же свое житие ученикам своим, понуждая их на таяжде (поучение 4, лист 49), и я такожде, убеждая вашу любовь о Христе Иисусе, госпoде нашем, сказываю вам деемая мною, непотребным рабом Божиим, о святем душе со отцем и сыном. Богу благодарение вовеки.

[Приступ]

Всесвятая троице, боже и содетелю всего мира! Поспеши и направи сердце мое начати с разумом и кончати дела благими, яже ныне хошу глаголати аз недостойный; разумея же свое невежество, припадая, молю ти ся и еже от тебя помощи прося: управи ум мой и утверди сердце мое приготовитися на творение добрых дел, да, добрыми делы просвещен, на судище десныя ти страны причастник буду со всеми избранными твоими. И ныне, владыко, благо-слово, да, воздохнув от сердца, и языком возглаголю Дионисия Ареопагита о божественных именовех, что есть богу присносущные имена истинные, еже есть близостные, и что виновные, сиречь похвальные. Сия суть сущие: сый, свет, истинна, живот; только четыре свойственных, а виновных много; сия суть: господь, вседержитель, непостижим, неприступен, трисиянен, триипостасен, царь славы, непостоянен, огонь, дух, бог и прочая по тому разумевай.

Того ж Дионисия о истинне: себе бо отвержение истинны испадение есть, истинна бо сущее есть; аще бо истинна сущее есть, истинны испадение сущаго отвержение есть; от сущаго же бог испасти не может, и еже не быти – несть*.

Мы же речем: потеряли новолюбцы существо божие испадением от истиннаго господа, святаго и животворящаго духа. По Дионисию: коли уж истинны испали, тут и сущаго отверглися. Бог же от существа своего испасти не может, и еже не быти несть того в нем: присносущен истинный бог наш. Лучше бы им в символе веры не глаголати *господа*, виновнаго имени, а нежели *истиннаго* отсекасти, в нем же существо божие содержится. Мы же, правовернии, обоя имена исповедаем: *и в духа святаго, господа, истиннаго и животворящаго**, света нашего, веруем, со отцем и сыном поклоняемаго, за него же стражем и умираем, помощию его владычнюю. Тешит нас Дионисий Ареопагит, в книге ево сице пишет: сей убо есть воистинну истинный христианин, зане истинною разумев Христа и тем благо-разумие стяжав, исступив убо себе, не сый в мирском их нраве и прелести, себя же весть трезвящися и изменена всякаго прелестнаго неверия, не токмо даже до смерти бедствующе истинны ради, но и неведением скончевающися всегда, разумом же живуще, и християне суть свидетельствуемы*. Сей Дионисий научен вере Христове от Павла апостола, живый во Афинах, прежде, даже не прийтти в веру Христову, хитрость имый ищитати беги небесныя;* егда ж верова Христови, вся сия вмених быти яко уметы. К Тимофею пишет в книге своей*, сице глаголя: «дитя, али не разумеешь, яко вся сия внешняя блядь ничто же суть, но токмо прелесть и тля и пагуба? аз пройдох делом и ничто ж обретох, но токмо тщету». Чтый да разумеет. Ищитати беги небесныя любят погибающий, понеже любви истинныя не прияша, воеже спастися им; и сего ради послет им бог действо льсти, воеже веровати им лжи, да суд примут не веровавший истинне, но благоволиша о неправде. (Чти Апостол, 275.)*

Сей Дионисий, еще не приидох в веру Христову, со учеником своим во время распятия господня быв в солнечном граде* и виде: солнце во тьму преложися и луна в кровь, звезды в полудне на небеси явились черным видом. Он же ко ученику глаголя: «или кончина веку прииде, или бог-слово плотию стражет»; понеже не по обычаю тварь виде изменену: и сего ради бысть в недоумении. Той же Дионисий пишет о солнечнем знамении, когда затмится: есть на небеси пять звезд заблудных, еже именуются луны. Сии луны бог положил не в пределех, яко ж и прочий звезды, но обтекают по всему небу, знамение творя или во гнев или в милость, по обычаю текуще. Егда заблудная звезда, еже есть луна, подтечет под солнце от запада и закроет свет солнечный, то солнечное затмение за гнев божий к людям бывает. Егда ж бывает, от востока луна подтекает, то по обычаю шествие творяще закрывает солнце.

А в нашей России бысть знамение: солнце затмилось в 162 году*, пред мором за месяц или меньше. Плыл Волгою рекою архиепископ Симеон Сибирской и в полудне тьма бысть перед Петровым днем недели за две; часа с три плачючи у берега стояли; солнце померче,

от запада луна подтекала, по Дионисию, являя бог гнев свой к людям: в то время Никон отступник веру казил и законы церковныя, и сего ради бог изливал фиал гнева ярости своея на русскую землю; зело мор велик был*, неколи еще забыть, вси помним. Потом, минув годов с четырнатцеть, вдругорядь солнцу затмение было; в Петров пост, в пяток, в час шестым, тьма бысть; солнце померче, луна подтекала от запада же, гнев божий являя, и протопopa Аввакума, беднова горемыку, в то время с прочими остригли в соборной церкви власти и на Угреше в темницу, проклинав, бросили*. Верный разумеет, что делается в земли нашей за нестроение церковное. Говорить о том полно; в день века познано будет всеми; потерпим до тех мест.

Той же Дионисий пишет о знамени солнца, како бысть при Иисусе Наввине во Израили. Егда Иисус секий иноплеменники, и бысть солнце противо Гаваона, еже есть на полднях, ста Иисус крестообразно, сиречь распростре руке свои, и ста солнечное течение, дондеже враги погуби. Возвратилося солнце к востоку, сиречь назад отбежало, и паки потече, и бысть во дни том и в нощи тридесеть четыре часа, понеже в десятый час отбежало; так в сутках десять часов прибыло. И при Езекии царе бысть знамение: оттече солнце вспять во второй на десять час дня, и бысть во дни и в нощи тридесять шесть часов. Чти книгу Дионисиеву, там пространно уразумеешь*.

Он же Дионисий пишет о небесных силах*, росписует, возвещая, како хвалу приносят богу, разделялся деветь чинов на три троицы. Престоли, херувими и серафими освящение от бога приемлют и сие восклицают: благословенна слава от места господня! И чрез их преходит освящение на вторую троицу, еже есть господства, начала, власти; сия троица, славословя бога, восклицают: аллилуйя, аллилуйя, аллилуйя! По алфавиту, *аль* отцу, *иль* сыну, *уйя* духу святому. Григорий Нисский* толкует: аллилуйя – хвала богу; а Василий Великий* пишет: аллилуйя – ангельская речь, человечески рещи – слава тебе, боже! До Василия пояху во церкви ангельския речи: аллилуйя, аллилуйя, аллилуйя! Егда же бысть Василий, и повеле пети две ангельския речи, а третьюю, человеческую, сие: аллилуйя, аллилуйя, слава тебе, боже! У святых согласно, у Дионисия и у Василия; трижды воспевающе, со ангелы славим бога, а не четыржи, по римской бляди; мерско богу четверичное воспевание сиевое: аллилуйя, аллилуйя, аллилуйя, слава тебе, боже! Да будет проклят сие поюще. Паки на первое возвратимся. Третья троица, силы, архангели, ангели, чрез среднюю троицу освящение приемля, поют: свят, свят, свят господь Саваоф, исполнь небо и земля славы его! Зри: тричислено и сие воспевание*. Пространно пречистая богородица протолковала о аллилуйи, явилася ученику Ефросина Псковскаго, именем Василию. Велика во аллилуйи хвала богу, а от зломудрствующих досада велика, – по-римски святую троицу в четверицу глаголют*, духу и от сына исхождение являют;* зло и проклято се мудрование богом и святыми. Правверных избави боже сего начинания злаго, о Христе Иисусе, госпode нашем, ему же слава ныне и присно и во веки веком. Аминь.

Афанасий Великий рече: иже хошет спастися, прежде всех подобает ему держати кафолическая вера, ея же аще кто целы и непорочны не соблюдает, кроме всякаго недоумения, во веки погибнет. Вера ж кафолическая сия есть, да единаго бога в троице и троицу во единице почитаем, ниже сливающе составы, ниже разделяюще существо; ин бо есть состав отец, ин – сыновень, ин – святаго духа; но отчее, и сыновнее, и святаго духа едино божество, равна слава, соприсушно величество; яков отец, таков сын, таков и дух святой; вечен отец, вечен сын, вечен и дух святой; не создан отец, не создан сын, не создан и дух святой; бог отец, бог сын, бог и дух святой не три бози, но един бог; не три несозданнии, но един несозданный, един вечный. Подобие: вседержитель отец, вседержитель сын, вседержитель и дух святой. Равне: непостижим отец, непостижим сын, непостижим и дух святой. Обаче не три вседержители, но един вседержитель: не три непостижимии, но един непостижимый, един пресущный. И в сей святей троице ничтоже первое или последнее, ничтоже более или менее,

но целы три составы и соприсносущны суть себе и равны. Особно бо есть отцу нерождение, сыну же рождение, а духу святому исхождение: обще же им божество и царство*. (Нужно бо есть побеседовати и о вочеловечении бога-слова к вашему спасению.) За благодать щедрот излия себе от отеческих недр сын-слово божие в деву чисту богоотроковицу, егда время наставало, и воплотився от духа свята и Марии девы, вочеловечився, нас ради пострадал, и воскрес в третий день, и на небо вознесся, и седе одесную величества на высоких и хочет паки приити судити и воздати комуждо по делом его, его же царствию несть конца*. И сие смотрение в бозе бысть прежде, даже не создатися Адаму, прежде, даже не вообразитися. (Совет отечь.) Рече отец сынови: сотворим человека по образу нашему и по подобию. И отвеща другий: сотворим, отче, и преступит бо. И паки рече: о едиnorodный мой! о свете мой! о сыне и слове! о сияние славы моя! аще промышляеши созданием своим, подобает ти облещися в тлимаго человека, подобает ти по земли ходити, плоть² воспряти, пострадати и вся совершити. И отвеща другий: буди, отче, воля твоя. И посем создася Адам. Аще хоцещи пространно разумети, чти Маргарит:* Слово о вочеловечении; там обрящещи. Аз кратко помянул, смотрение показуя. Сиче всяк веруай в онь не постыдится, а не веруай осужден будет и во веки погибнет, по вышереченному Афанасию. Сиче аз, протопоп Аввакум, верую, сиче исповедаю, с сим живу и умираю.

² Плоть – вписано, возможно, Епифанием вместо заключенного в скобки слова «апостолы».

[Первые испытания]

Рождение же мое в нижегородских пределах, за Кудмою рекою, в селе Григорове*. Отец ми бысть священник Петр, мати – Мария, инока Марфа. Отец же мой прилежаше пития хмельнова; мати же моя постница и молитвеница бысть, всегда учаше мя страху божию. Аз же некогда видево у соседа скотину умершу, и той ноци, восставше, пред образом плакався довольно о душе своей, поминая смерть, яко и мне умереть; и с тех мест обыкох по вся ноци молиться. Потом мати моя овдовела, а я осиротел молод и от своих соплеменник во изгнании быхом. Изволила мати меня женить. Аз же пресвятей богородице молихся, да даст ми жену помощницу ко спасению. И в том же селе девица, сиротина ж, беспрестанно обыкла ходить в церковь, – имя ей Анастасия. Отец ея был кузнец, именем Марко, богат гораздо; а егда умре, после ево вся истоцилось. Она же в скудости живяше и моляшеся богу, да же сочетается за меня совокуплением брачным; и бысть по воли божий тако. Посем мати моя отыде к богу в подвизе велице. Аз же от изгнания переселихся во ино место*. Рукоположен во дяконы двадесяти лет с годом, и по дву летех в попы поставлен; живый в попех осьмь лет, и потом совершен в протопопы православными епископы*, – тому двадесеть лет минуло; и всего тридесят лет как имею священство.³

А егда в попах был, тогда имел у себя детей духовных много, – по се время сот с пять или с шесть будет. Не почивая, аз, грешный, прилежа во церквах, и в домех, и на распутьях, по градом и селам, еще же и в царствующем граде и во стране сибирской проповедуя и уча слову божию, – годов будет тому с полтретьяцеть*.

Егда еще был в попех, прииде ко мне исповедатися де вица многими грехми обременна, блудному делу и малакии всякой повинна; нача мне, плакавшеся, подробну возвещати во церкви, пред Евангелием стоя. Аз же, трекоаянный врач, сам разболелся, внутрь жгом огнем блудным, и горько мне бысть в той час: зажег три свечи и прилепил к налою, и возложил руку правую на пламя, и держал, дондеже во мне угасло злое разжение, и, отпустя девицу, сложа ризы, помоляся, пошел в дом свой зело скорбен. Время же, яко полнощи, и пришед во свою избу, плакався пред образом господним, яко и очи опухли, и моляся прилежно, да же отлучит мя бог от детей духовных, понеже бремя тяшко, неудобь носимо. И падох на землю на лица своем, рыдаше горце и забыхся, лежа; не вем, как плачу; а очи сердечнии при реке Волге. Вижу: пловут стройно два корабля златы, и весла на них златы, и шесты златы, и все злато; по единому кормщику на них сидельцов. И я спросил: «чье корабли?» И оне отвещали: «Лукин и Лаврентиев». Сии быша ми духовныя дети, меня и дом мой наставили на путь спасения и скончались богоугодне. А се потом вижу третьей корабль, не златом украшен, но разными пестротами, – красно, и бело, и сине, и черно, и пепелесо, – его же ум человек не вмести красоты его и доброты; юноша светел, на корме сидя, правит; бежит ко мне из-за Волги, яко пожрати мя хочет. И я вскричал – «чей корабль?» И сидя на нем отвещал: «твой корабль! да плавай на нем с женою и детьми, коли докучаешь!» И я вострепетав и седше рассуждаю: что се видимое? и что будет плавание?

А се по мале времени, по писанному, «объяша мя болезни смертныя, беды адавы обретоша мя: скорбь и болезнь обретох»*. У вдовы начальник отнял дочь, и аз молих его, да же сиротину возвратит к матери, и он, презрев моление наше, и воздвиг на мя бурю, и у церкви, пришед сонмом, до смерти меня задавили. И аз лежа мертв полчаса и больши, и паки оживе божиим мановением. И он, устрашася, отступился мне девицы. Потом научил ево дявол: пришед во церковь, бил и волочил меня за ноги по земле в ризах, а я молитву говорю в то время.

³ После этих слов в редакции В: а от рода на шестой десяток идет (л. 10/об.).

Таже ин начальник, во ино время, на мя рассвирепел, – прибежал ко мне в дом, бив меня, и у руки отгрыз персты, яко пес, зубами. И егда наполнилась гортань ево крови, тогда руку мою испустил из зубов своих и, покиня меня, пошел в дом свой. Аз же, поблагодаря бога, завертев руку платом, пошел к вечерне. И егда шел путем, наскочил на меня он же паки со двема малыми пищальми и, близ меня быв, запалил из пистолы, и божиею волею на полке порох пыхнул, а пищаль не стрелила. Он же бросил ея на землю и из другия паки запалил так же, – и та пищаль не стрелила. Аз же прилежно, идучи, молюсь богу, единою рукою осенил ево и поклонился ему. Он меня лает, а ему рекл: «благодать во устнех твоих, Иван Родионович, да будет!»⁴ Посеем двор у меня отнял, а меня выбил, всево ограбя, и на дорогу хлеба не дал.

В то же время родился сын мой Прокопей, которой сидит с матерью в земле закопан*. Аз же, взяв ключку, а мати – некрещенова младенца, побрели, амо же бог наставит⁵, и на пути крестили, яко же Филипп каженика древле*. Егда ж аз прибрел к Москве*, к духовнику протопопу Стефану и к Неронову протопопу Ивану*, они же обо мне царю известиша, и государь меня почал с тех мест знати. Отцы же с грамотою паки послали меня на старое место, и я притащился – ано и стены разорены моих храмин. И я паки позавелся, а дьявол и паки воздвиг на меня бурю. Прийдоша в село мое плясовые медведи с бубнами и с домрами, и я, грешник, по Христе ревнуя, изгнал их, и [у]хари и бубны изломал на поле един у многих и медведей двух великих отнял, – одново ушиб, и паки ожил, а другова отпустил в поле*. И за сие меня Василей Петрович Шереметев, пловучи Волгою в Казань* на воеводство, взяв на судно и браня много, велел благословить сына своего Матфея бритобратца. Аз же не благословил, но от писания ево и порицал, видя блудолюбный образ*. Боярин же, гораздо осердясь, велел меня бросить в Волгу и, много томя, протолкали. А опосле учинились добры до меня: у царя на сенях со мною прощались;* а брату моему меньшому боярону Васильева и дочь духовная была*. Так-то бог строит своя люди.

На первое возвратимся. Таже ин начальник на мя рассвирепел: приехав с людьми ко двору моему, стрелял из луков и из пищалей с приступом. А аз в то время, запершися, молился с воплем ко владыке: «господи, укроти ево и примири, ими же веси судьбами!» И побежал от двора, гоним святым духом. Таже в ночь ту прибежали от него и зовут меня со многими слезами: «батюшко-государь! Евфимей Стефанович при кончине и кричит неудобно, бьет себя и охает, а сам говорит: дайте мне батька Аввакума! за него бог меня наказует!» И я чаял, меня обманывают; ужасеся дух мой во мне. А се помолил бога сице: «ты, господи, изведый мя из чрева матере моея, и от небытия в бытие мя устроил! Аще меня задушат, и ты причти мя с Филиппом, митрополитом Московским;* аще зарежут, и ты причти мя с Захариєю пророком;* а буде в воду посадят, и ты, яко Стефана Пермскаго, паки свободишь мя!»* И моляся, поехал в дом к нему, Евфимию. Егда ж привезоша мя на двор, выбежала жена ево Неонила и ухватила меня под руку, а сама говорит: «подит-ко, государь наш батюшко, поди-тко, свет наш кормилец!» И я сопротив тово: «чюдно! давеча был блядин сын, а топерва – батюшко! Большо у Христа тово остра шелепуга та; скоро повинился муж твой!» Ввела меня в горницу. Вскочил с перины Евфимей, пал пред ногама моима, вопит неизреченно: «прости, государь, согрешил пред богом и пред тобою!» А сам дрожит весь. И я ему сопротиво: «хошеш ли впредь цел быти?» Он же лежа, отвеща: «ей, честный отче!»

⁴ После этих слов в редакции Б: Сердитовал на меня за церковную службу: ему хочется скоро, а я пою по уставу, не борзо; так ему было досадно* (л. 11/об.).

⁵ После этих слов в редакции В: а сами, пошед, запели божественные песни, евангельскую стихеру большим роспевом. «На гору учеником идущим за земное вознесение предста господь и поклонишася ему», всю до конца; а пред нами образ несли. Певцов в дому моем было много; поюще со слезами, на небо взираем; а провождающие жители того места, мужи, и жены, и отрочата, множество народа, с рыданием плачуще и сокрушающе мое сердце, далече нас провожали в поле. Аз же, на обычном месте став и хвалу богу воздав, поучение прочет и, благословя, насили в дом их возвратил, а с домашними впредь побрели (л. 12/об. – л. 13).

И я рек: «востани! бог простит тя!» Он же, наказан гораздо, не мог сам востати. И я поднял и положил ево на постелю, и исповедал, и маслом священным помазал, и бысть здрав. Так Христос изволил. И наутро отпустил меня честно в дом мой, и с женою быша ми дети духовныя, изрядныя раби Христовы. Так-то *господь гордым противится, смиренным же дает благодать**.

Помале паки инии изгнаша мя от места того вдругоряд. Аз же сволокся к Москве*, и божиею волею государь меня велел в протопопы поставить в Юрьевец-Повольской. И тут пожил немного, – только осьмь недель; дьявол научил попов, и мужиков, и баб, – пришли к патриархову приказу, где я дела духовныя делал, и, вытаща меня из приказа собранием, – человек с тысящу и с полторы их было, – среди улицы били батожем и топтали,* и бабы были с рычагами. Грех ради моих, замертва убили и бросили под избной угол. Воевода с пушкарями прибежали и, ухватя меня, на лошади умчали в мое дворишко; и пушкарей воевода около двора поставил. Людие же ко двору приступают, и по граду молва велика. Наипаче ж попы и бабы, которых унимал от блудни, вопят: «убить вора, блядина сына, да и тело собакам в ров кинем!» Аз же, отдохня, в третьей день ночью, покиня жену и дети, по Волге сам-третьей ушел к Москве. На Кострому прибежал, – ано и тут протопопу ж Данила изгнали*. Ох, горе! везде от дьявола житья нет! Прибрел к Москве, духовнику Стефану показался; и он на меня учинился печален: на што-де церковь соборную покинул? Опять мне другое горе! Царь пришел к духовнику благословитца ночью; меня увидел тут; опять кручина: на што-де город покинул? – А жена, и дети, и домочадцы, человек с дватцеть, в Юрьевце остались: неведомо – живы, неведомо – прибиты! Тут паки горе.

Посем Никон, друг наш, привез из Соловков Филиппа митрополита*. А прежде его приезде Стефан духовник, моля бога и постясь седмицу с братьею, – и я с ними тут же, – о патриархе, да же даст бог пастыря ко спасению душ наших, и с митрополитом казанским Корнилием, написав челобитную за руками, подали царю и царице – о духовнике Стефане, чтоб ему быть в патриархах*. Он же не восхотел сам и указал на Никона митрополита. Царь ево и послушал, и пишет к нему послание навстречу:* преосвященному митрополиту Никону новгородскому и великолукскому и всея Руси радоватися, и прочая. Егда ж приехал, с нами яко лис: челом да «здорово!». Ведает, что быть ему в патриархах, и чтобы откуля помешка какова не учинилась. Много о тех кознях говорить⁶! Егда поставили патриархом*, так друзей не стал и в крестовую пускать*. А се и яд отрыгнул; в пост великой прислал память к Казанской к Неронову Иванну. А мне отец духовной был; я у него все и жил в церкви: егда куды отлучится, ино я ведаю церковь. И к месту, говорили, на дворец к Спасу, на Силино покойника место; да бог не изволил. А се и у меня радение худо было. Любо мне, у Казанские тое держался, чел народу книги. Много людей приходило. – В памяти Никон пишет: «год и число. По преданию святых апостол и святых отец, не подобает во церкви метания творити на колену, но в пояс бы вам творити поклоны, еще же и трема персты бы есте крестились»*. Мы же задумалися, сошедшеся между собою; видим, яко зима хошет быти; сердце озябло, и ноги задрожали. Неронов мне приказал церковь, а сам един скрылся в Чюдов*, – седмицу в полатке молился. И там ему от образа глас бысть* во время молитвы: «время приспе страдания, подобает вам неослабно страдати!» Он же мне плачучи сказал; таже коломенскому епископу Павлу, его же Никон напоследок огнем жжег в новгородских пределах;* потом – Данилу, костромскому протопопу; таже сказал и всей братье. Мы же с Данилом, написав из книг выписки о сложении перст и о поклонех, и подали государю; много писано было; он же, не вем где, скрыл их; мнитмися, Никону отдал*.

⁶ После этих слов в редакции В: Царь его на патриаршество зовет, а он бытто не хочет*, мрачил царя и людей, а со Анною по ночам укладывают* как чему быть и много пружався со дьяволом, взошел на патриаршество Божиим попущением, укрепя царя своим кознованием и клятвою лукавою (л. 15/об.).

После того вскоре схватив Никон Даниила в монастыре за Тверскими вороты*, при царе остриг голову и, содрав однорятку, ругая, отвел в Чюдов в хлебню и, муча много, сослал в Астрахань. Венец тернов на главу ему там возложили, в земляной тюрьме и уморили. После Данилова стрижения взяли другога, темниковскаго Даниила ж протопopa, и посадили в монастыре у Спаса на Новом*. Таже протопopa Неронова Иванна – в церкви скуфью снял и посадил в Симанове монастыре, опосле сослал на Вологду, в Спасов Каменной монастырь, потом в Кольской острог*. А напоследок, по многом страдании, изнемог бедной, – принял три перста, да так и умер*. Ох, горе! *всяк мняйся стоя, да блюдетя, да ся не падет**. Люто время, по реченному господем, *аще возможно духу антихристову прельстити и избранныя**. Зело надобно крепко молитися богу, да спасет и помилует нас, яко благ и человеколюбец.

Таже меня взяли от всенощнаго Борис Нелединской со стрельцами; человек со мною с шестьдесят взяли: их в тюрьму отвели, а меня на патриархове дворе на чепь посадили ночью. Егда ж рассветало в день недельный, посадили меня на телегу, и ростянули руки, и везли от патриархова двора до Андроньева монастыря* и тут на чепи кинули в темную полатку, ушла в землю, и сидел три дни, ни ел, ни пил; во тьме сидя, кланялся на чепи, не знаю – на восток, не знаю – на запад*. Никто ко мне не приходил, токмо мыши, и тараканы, и сверчки кричат, и блох довольно. Бысть же я в третий день приалчен, – сиречь есть захотел, – и после вечерни ста предо мною, не вем – ангел, не вем – человек, и по се время не знаю, токмо в потемках молитву сотворил и, взяв меня за плечо, с чепью к лавке привел и посадил и лошку в руки дал и хлебца немношко и штец дал похлебать, – зело прикусны, хороши! – и рекл мне: «полно, довлеет ти ко укреплению!» Да и не стало ево. Двери не отворялись, а ево не стало! Дивно только – человек; а что ж ангел? ино нечему дивитца – везде ему не загорожено. На утро архимарит с братьею пришли и вывели меня; журят мне, что патриарху не покорился, а я от писания ево браню да лаю. Сняли большую чепь да малую наложили. Отдали чернцу под начал, велели волочить в церковь. У церкви за волосы дерут, и под бока толкают, и за чепь торгают, и в глаза плюют. Бог их простит в сий век и в будущий: не их то дело, но сатаны лукаваго. Сидел тут я четыре недели.

В то время после меня взяли Логина, протопopa муромскаго: в соборной церкви, при царе, остриг⁷ в обедню*. Во время переноса снял патриарх со главы у архидьякона дискос и поставил на престол с телом Христовым; а с чашею архимарит чюдовской Ферапонт вне олтаря, при дверех царских стоял. Увы рассечения тела Христова, пуши жидовскаго действия!* Остригше, содрали с него однорятку и кафтан. Логин же разжегся ревностию божественнаго огня, Никона порицая, и чрез порог в олтарь в глаза Никону плевал; распоясався, схватя с себя рубашку, в олтарь в глаза Никону бросил; и чюдно! – растопоряся рубашка и покрыла на престоле дискос, бытто воздух. А в то время и царица в церкви была. На Логина возложили чепь и, таща из церкви, били метлами и шелепами до Богоявленскова монастыря и кинули в полатку нагова, и стрельцов на карауле поставили накрепко стоять. Ему ж бог в ту ночь дал шубу новую да шапку; и на утро Никону сказали, и он, рассмеявся, говорит: «знаю-су я пустосвятов тех!» – и шапку у него отнял, а шубу ему оставил.

Посем паки меня из монастыря водили пешева на патриархов двор, также руки ростяня, и, стязався много со мною, паки также отвели. Таже в Никитин день ход со кресты*, а меня паки на телеге везли против крестов. И привезли к соборной церкви стричь и держали в обедню на пороге долго. Государь с места сошел и, приступя к патриарху, упросил. Не стригше, отвели в Сибирской приказ и отдали дьяку Третьяку Башмаку, что ныне стражет же по Христе, старец Саватей, сидит на Новом, в земляной же тюрьме. Спаси ево, господи! и тогда мне делал добро*.

⁷ После этих слов в редакции Б: его овчьеобразный волк (л. 17/об.—л. 18).

[Ссылка в Сибирь]

Таже послали меня в Сибирь с женою и детьми. И колико дорогою нужды бысть, тово всево много говорить, разве малая часть помянуть. Протопопица младенца родила, – больную в телеге и повезли до Тобольска,* три тысящи верст недель с тринацеть волокли телегами и водою и саньми половину пути*.

Архиепископ в Тобольске к месту устроил меня*. Тут у церкви великия беды постигоша меня: в полтара годы пять слов государевых сказывали на меня*, и един некто, архиепископля двора дьяк Иван Струна, тот и душею моею потряс. Съехал архиепископ к Москве, а он без нево, дьявольским научением, напал на меня: церкви моя дьяка Антония мучить напрасно захотел. Он же, Антон, утече у него и прибежал во церковь ко мне. Той же Струна Иван, собрався с людьми, во ин день прииде ко мне в церковь, – а я вечерню пою, – и вскочил в церковь, ухватил Антона на крылосе за бороду. А я в то время двери церковныя затворил и замкнул и никою не пустил, – один он Струна в церкви вертится, что бес. И я, покиня вечерню, с Антоном посадил ево среди церкви на полу и за церковной мятеж постегал ево ремнем нарочито-таки; а прочий, человек с двацеть, вси побегоша, гоними духом святым. И покаяние от Струны приняв, паки отпустил ево к себе. Сродницы же Струнины, попы и чернцы, весь возмутили град, да како меня погубят. И в полунощи привезли сани ко двору моему, ломилися в ызбу, хотя меня взять и в воду свести. И божиим страхом отгнани быша и побегоша вспять*. Мучился я с месяц, от них бегаючи втай; иное в церкви ночью, иное к воеводе уйду*⁸, а иное в тюрьму просился, – ино не пустят. Провожал меня много Матфей Ломков, иже и Митрофан именуем в чернцах, – опосле на Москве у Павла митрополита ризничим был, в соборной церкви с дьяконом Афонасьем меня стриг:* тогда добр был, а ныне дьявол ево поглотил. Потом приехал архиепископ с Москвы и правильною виною ево, Струну, на чепь посадил за сие: некий человек с дочерью кровосмешение сотворил, а он, Струна, полтину взяв и, не наказав мужика, отпустил. И владыка ево сковать приказал и мое дело тут же помянул*. Он же, Струна, ушел к воеводам в приказ и сказал «слово и дело государево» на меня*. Воеводы отдали ево сыну боярскому лутчему, Петру Бекетову, за пристав*. Увы, погибель на двор Петру пришла. Еще же и душе моей горе тут есть. Подумав архиепископ со мною, по правилам за вину кровосмешения стал Струну проклинать в неделю православия в церкви большой. Той же Бекетов Петр, пришед в церковь, браня архиепископа и меня, и в той час из церкви пошед, взбесился, ко двору своему идучи, и умре горькою смертию зле. И мы со владыкою приказали тело ево среди улицы собакам бросить, да же граждана оплачют согрешение его. А сами три дни прилежне стужали божеству, да же в день века отпустится ему. Жалея Струны, такоу себе пагубу приял. И по трех днех владыка и мы сами честне тело его погребли. Полно тово плачевнова дела говорить.

Посем указ пришел: велено меня из Тобольска на Лену вести за сие, что браню от писания и укоряю ересь Никонову*. В та же времена пришла ко мне с Москвы грамотка. Два брата жили у царицы вверху, а оба умерли в мор и с женами и с детьми: и многия друзья и сродники померли. Излиял бог на царство фиял гнева своего! Да не узнались горюны однако, – церковью мятут. Говорил тогда и сказывал Неронов царю три пагубы за церковной раскол: мор, меч, разделение:* то и сбылось во дни наша ныне. Но милостив господь: наказав, покаяния ради и помилует нас, прогнав болезни душ наших и телес, и тишину подаст. Уповаю и надеюся на Христа: ожидаю милосердия его и чаю воскресения мертвым.

⁸ После этих слов в редакции В: Княгиня меня в сундук посылала: «я-де, батюшко, над тобой сяду, как-де придут тебя искать к нам». И воевода от них мятежников боялся, лишь плачет, на меня глядя (л. 19/об.).

Таже сел опять на корабль свой, еже и показан ми, что выше сего рекох, – поехал на Лену*. А как приехал в Енисейской*, другой указ пришел: велено в Дауры вести – дватцеть тысяч и больши будет от Москвы*. И отдали меня Афонасью Пашкову в полк, – людей с ним было 6 сот человек: и грех ради моих суров человек: беспрестанно людей жжет, и мучит, и бьет*. И я ево много уговаривал, да и сам в руки попал. А с Москвы от Никона приказано ему мучить меня.

Егда поехали из Енисейска*, как будем в большой Тунгуске реке*, в воду загрузило бурю дощеник мой совсем: налилса среди реки полон воды, и парус изорвало, – одны полубы над водою, а то все в воду ушло. Жена моя на полубы из воды робят кое-как вытаскала, простоволоса ходя*. А я, на небо глядя, кричу: «господи, спаси! господи, помози!» И божию волею прибило к берегу нас. Много о том говорить! На другом дощенике двух человек сорвало, и утонули в воде. Посем, оправяся на берегу, и опять поехали вперед.

Егда приехали на Шаманской порог, навстречю приплыли люди иные к нам, а с ними две вдовы – одна лет в 60, а другая и больши: пловут постричься в монастырь. А он, Пашков, стал их ворочать и хочет замуж одать. И я ему стал говорить: «по правилам не подobaет таковых замуж давать». И чем бы ему, послушав меня, и вдов отпустить, а он вздумал мучить меня, осердясь. На другом, Долгом пороге* стал меня из дощеника выбивать: «дляде тебя дощеник худо идет! еретик-де ты! поди-де по горам, а с казаками не ходи!» О, горе стало! Горы высокия, дебри непроходимыя, утес каменной, яко стена стоит, и поглядеть – заломя голову! В горах тех обретаются змеи великие; в них же витают гуси и утицы – перие красное, вороны черные, а галки серые; в тех же горах орлы, и соколы, и кречаты, и курята индейские, и бабы, и лебеди, и иные дикие – многое множество птицы разные. На тех же горах гуляют звери многие дикие: козы, и олени, изубри, и лоси, и кабаны, волки, бараны дикие – во очию нашу, а взять нельзя! На те горы выбивал меня Пашков, со зверьми, и со змиями, и со птицами витать. И аз ему малое писанейце написал, сице начало: «человече! убойся бога, сидящаго на херувимех и призирающаго в безны, его же трепещут небесныя силы и вся тварь со человеки, един ты презираешь и неудобство показуешь», – и прочая: там многонько писано: и послал к нему*. А се бегут человек с пятьдесят: взяли мой дощеник и помчали к нему, – версты три от него стоял. Я казакам каши наварил да кормлю их: и оне, бедные, и едят и дрожат, а иные, глядя, плачут на меня, жалеют по мне. Привели дощеник: взяли меня палачи, привели перед него. Он со шпагою стоит и дрожит: начал мне говорить: «поп ли ты или роспоп?»; и аз отвечал: «аз есмь Аввакум протопоп; говори: что тебе дело до меня?» Он же рыкнул, яко дивий зверь, и ударил меня по щоке, таже по другой и паки в голову, и сбил меня с ног и, чекан ухватя, лежачева по спине ударил трижды и, разболочки, по той же спине семьдесят два удара кнутом. А я говорю: «господи Иисусе Христе, сыне божий, помогай мне!» Да то ж, да то ж беспрестанно говорю. Так горько ему, что не говорю: «пощади!» Ко всякому удару молитву говорил, да осреди побой вскричал я к нему: «полно бить тово!» Так он велел перестать. И я промолыл ему: «за что ты меня бьешь? ведаешь ли?» И он паки велел бить по бокам, и отпустили. Я задрожал, да и упал. И он велел меня в казенной дощеник оттащити: сковали руки и ноги и на беть кинули. Осень была, дождь на меня шел, всю ночь под капелию лежал. Как били, так не больно было с молитвою тою; а лежа, на ум взбрело: «за что ты, сыне божий, попустил меня ему таково больно убить тому? Я веть за вдовы твои стал! Кто даст судию между мною и тобою? Когда воровал, и ты меня так не оскорблял, а ныне не вем, что согрешил!» Бытто доброй человек – другой фарисей с говенною рожею, – со владыкою судитца захотел! Аще Иев и говорил так*, да он праведен, непорочен, а се и писания не разумел, вне закона, во стране варварстей, от твари бога познал. А я первое – грешен, второе – на законе почиваю и писанием отвсюду подкрепляем, яко многими скорбьми подобает нам внити во царство небесное*, а на такое безумие пришел! Увы мне! Как дощеник-от в воду ту не погряз со мною? Стало у меня в те

поры кости те щемить и жилы те тянуть, и сердце зашлось, да и умирать стал. Воды мне в рот плеснули, так вздохнул да покаялся пред владыкою, а господь-свет милостив: не поминает наших беззаконных первых покаяния ради; и опять не стало ништо болеть.

Наутро кинули меня в лотку и напредь повезли. Егда приехали к порогу, к самому большому, Падуноу, – река о том месте шириною с версту, три залавка чрез всю реку зело круты, не воротами што поплывет, ино в щепы изломает*, – меня привезли под порог. Сверху дождь и снег, а на мне на плеча накинута кафтанишко просто; льет вода по брюху и по спине, – нужно было гораздо. Из лотки вытаща, по каменью скована окол порога тащили. Грустко гораздо, да душе добро: не пеняю уж на бога вдругорят. На ум пришли речи, пророком и апостолом реченныя: «сыне, не пренемай наказанием господним, ниже ослабей, от него обличаем. Его же любит бог, того наказует; бьет же всякаго сына, его же приемлет. Аще наказание терпите, тогда яко сыном обретається вам бог. Аще ли без наказания приобщаетеся ему, то выблядки, а не сынове есте»*. И сими речыми тешил себя.

Посем привезли в Брацкой острог* и в тюрьму кинули, соломки дали. И сидел до Филипова поста* в студеной башне; там зима в те поры живет, да бог грел и без платья. Что собачка, в сололке лежу: коли накормят, коли нет⁹. Мышей много было, я их скуфьею бил, – и батюшка не дадут дурачки! Все на брюхе лежал: спина гнила. Блох да вшей было много. Хотел на Пашкова кричать: «прости!» – да сила божия возбранила, – велено терпеть. Перевел меня в теплую избу, и я тут с аманатами и собаками жил скован зиму всю. А жена с детьми верст с дватцетъ была сослана от меня. Баба ея Ксенья мучила зиму ту всю, – лаяла да укоряла. Сын Иван – невелик был – прибрел ко мне побывать после Христова рождества, и Пашков велел кинуть в студеною тюрьму, где я сидел: начевал милой и замерз было тут. И на утро опять велел к матери протолкать. Я ево и не видал. Приволокся к матери, – руки и ноги ознобил.

На весну паки поехали впредь. Запасу небольшое место осталось, а первой разграблен весь: и книги и одежда иная отнята была, а иное и осталось. На Байкалове море паки тонул. По Хилке* по реке заставил меня лямку тянуть: зело нужен ход ею был, – и поесть было неколи, нежели спать. Лето целое мучилися. От водяные тяготы люди изгибали, и у меня ноги и живот синь был. Два лета в водах бродили, а зимами чрез волоки волочилися. На том же Хилке в третье тонул. Барку от берегу оторвало водою, – людские стоят, а мою ухватило, да и понесло! Жена и дети остались на берегу, а меня сам-друг с кормщиком помчало. Вода быстрая, переворачивает барку вверх боками и дном; а я на ней ползаю, а сам кричу: «владычице, помози! упование, не утопи!» Иное ноги в воде, а иное выползу наверх. Несло с версту и больши; да люди переняли. Все розмыло до крохи! Да што петь делать, коли Христос и пречистая богородица изволили так? Я, вышед из воды, смеюсь; а люди-те охают, платье мое по кустам развешивая, шубы отласные и тафтяные, и кое-какие безделицы тое много еще было в чемоданах да в сумках; все с тех мест перегнило – наги стали. А Пашков меня же хочет опять бить: «ты-де над собою делаешь за посмех!» И я паки свету-богородице докучать: «владычице, уйми дурака тово!» Так она-надежа уняла: стал по мне тужить.

Потом доехали до Иргеня озера:* волок тут, – стали зимою волочитца. Моих работников отнял, а иным у меня нанятца не велит. А дети маленьки были, едоков много, а работать некому: один бедной горемыка-протопоп нарту сделал и зиму всю волочился за волок¹⁰.

⁹ После этих слов в редакции В: Есть тово после побой тех хочется, да ведь-су неволя то есть: как пожалуют, дадут. Да бесчинники ругались надо мною: иногда одново хлебца дадут, а иногда ветчинки одное невареной, иногда масла коровья без хлеба же. Я таки что собака, так и ем. Не умывался веть, да и кланяться не смог, лише на крест Христов погляжу, да помолитвую. Караульщики по пяти человек одаль стоят. Щелка на стене была, – собачка ко мне по вся дни приходила, да поглядит на меня; яко Лазаря во гною у вратех богатаго* пси облизаху гной его, отраду ему чинили, так и я со своею собачкою поговаривал, а человецы далече окрест меня ходят и поглядеть на тюрьму не смеют (л. 24/об.).

¹⁰ После этих слов в редакции В: У людей и собаки в подпрышках, а у меня не было; одинова лишю двух сынов, – маленьки еще были, Иван и Прокопей, – тащили со мною, что кобельки, за волок нарту. Волок – верст со сто: насили бедные

Весною на плотах по Ингоде реке* поплыли на низ. Четвертое лето от Тобольска плаванью моему. Лес гнали хоромной и городской. Стало нечева есть; люди учили с голоду мереть и от работных водяных бродни. Река мелкая, плоты тяжелые, приставы немилостивые, палки большие, батоги суковатые, кнуты острые, пытки жестокие – огонь да встряска, люди голодные: лишю станут мучить – ано и умрет!¹¹ Ох, времени тому! Не знаю, как ум у него отступился. У протопопицы моей однарятка московская была, не сгнила, – по-русскому рублев в полтретьяцеть* и больши по-тамошнему. Дал нам четыре мешка ржи за нея, и мы год-другой тянулися, на Нерче реке* живучи, с травую перебиваючися. Все люди с голоду поморил, никуды не отпускар промышлять, – осталось небольшое место; по степям скитающеса и по полям, траву и корение копали, а мы – с ними же; а зимою – сосну; а иное кобылятины бог даст, и кости находили от волков пораженных зверей, и что волк не доест, мы то доедим. А иные и самых озяблых ели волков, и лисиц, и что получит – всякую скверну. Кобыла жеребенка родит, а голодные втай и жеребенка и место скверное кобылье съедят. А Пашков, сведав, и кнутом до смерти забьет. И кобыла умерла, – все извод взял, понеже не по чину жеребенка тово вытащили из нея: лишю голову появил, а оне и выдернули, да и почали кровь скверную есть. Ох, времени тому! И у меня два сына маленьких умерли в нуждах тех*, а с прочими, скитающеса по горам и по острому камению, наги и боси, травую и корением перебивающеса, кое-как мучилися. И сам я, грешной, волею и неволею причастен кобыльим и мертвечьим звериным и птичьим мясам. Увы грешной душе! *Кто даст главе моей воду и источник слез**, да же оплачу бедную душу свою, юже зле погубих житейскими сластьми? Но помогала нам по Христе болярона, воеводская сноха, Евдокея Кириловна, да жена ево, Афонасьева, Фекла Симеоновна: оне нам от смерти голодной тайно давали отраду, без ведома ево, – иногда пришлют кусок мясца, иногда колобок, иногда мучки и овсеца, колько сойдется, четверть пуда и гривенку-другую, а иногда и полпудика накопит и передаст, а иногда у коров корму из корыта нагребет. Дочь моя, бедная горемыка Огрофена, бродила втай к ней под окно. И горе, и смех! – иногда робенка погонят от окна без ведома бояронина, а иногда и многонько притащит. Тогда невелика была; а ныне уж ей 27 годов, – девицею, бедная моя, на Мезени, с меньшими сестрами перебиваяся кое-как, плачючи живут. А мать и братья в земле закопаны сидят*. Да што же делать? пускай горькие мучатся все ради Христа! Быть тому так за божиею помощию. На том положено, ино мучитца веры ради Христовы. Любил, протопоп, со славными знатца, люби же и терпеть, горемыка, до конца. Писано: «не начный блажен, но скончавай»*. Полно тово; на первое возвратимся.

Было в Даурской земле нужды великие годов с шесть и семь, а во иные годы отрадило. А он, Афонасей, наветуя мне, беспрестанно смерти мне искал. В той же нужде прислал ко мне от себя две вдовы, – сенные ево любимые были, – Марья да Софья, одержимы духом нечистым. Ворожа и колдуя много над ними, и видит, *яко ничто же успеваает, но паче молва бываает**, – зело жестоко их бес мучит, бьются и кричат; призвал меня и поклонился мне, говорит: «пожалуй, возьми их ты и попекися об них, бога моля; послушает тебя бог». И я ему отвещал: «господине! выше меры прошение; но за молитв святых отец наших вся возможна суть богу». Взял их, бедных. Простите! Во искусе то на Руси бывало, – человека три-четыре бешаных приведших бывало в дому моем, и, за молитв святых отец, отхож-

и перебрели. А протопопица муку и младенца за плечами на себе тащила; а дочь Огрофена брела, брела, да на нарту и взвалилась, и братья ея со мною помаленьку тащили. И смех и горе, как помянутся дние оны: робята те изнемогут и на снег повалятся, а мать по кусочку пряничка им даст, и оне, съедши, опять ляжку потянут; и кое-как перебились волок, да под сосною и жить стали, что Авраам у дуба мамврийска*. Не пустил нас и в засеку Пашков сперва, дондеже натешился, и мы неделю-другую мерзли под сосною с робяты одни, кроме людей, на бору, и потом в засеку пустил и указал мне место. Так мы с робяты отгородились, балаганец сделав, огонь курили и как до воды домаялись (л. 26 – л. 26/об.).

¹¹ *После этих слов в редакции В:* И без битья насилу человек дышит, с весны по одному мешку солоду дано на десять человек на все лето, да петь работай, никуды на промысл не ходи; и верьбы, бедной, в кашу ущипать сбродит – и за то палкою по лбу: не ходи, мужик, умри на работе! Шестьсот человек было, всех так-то перестроил (л. 26/об.).